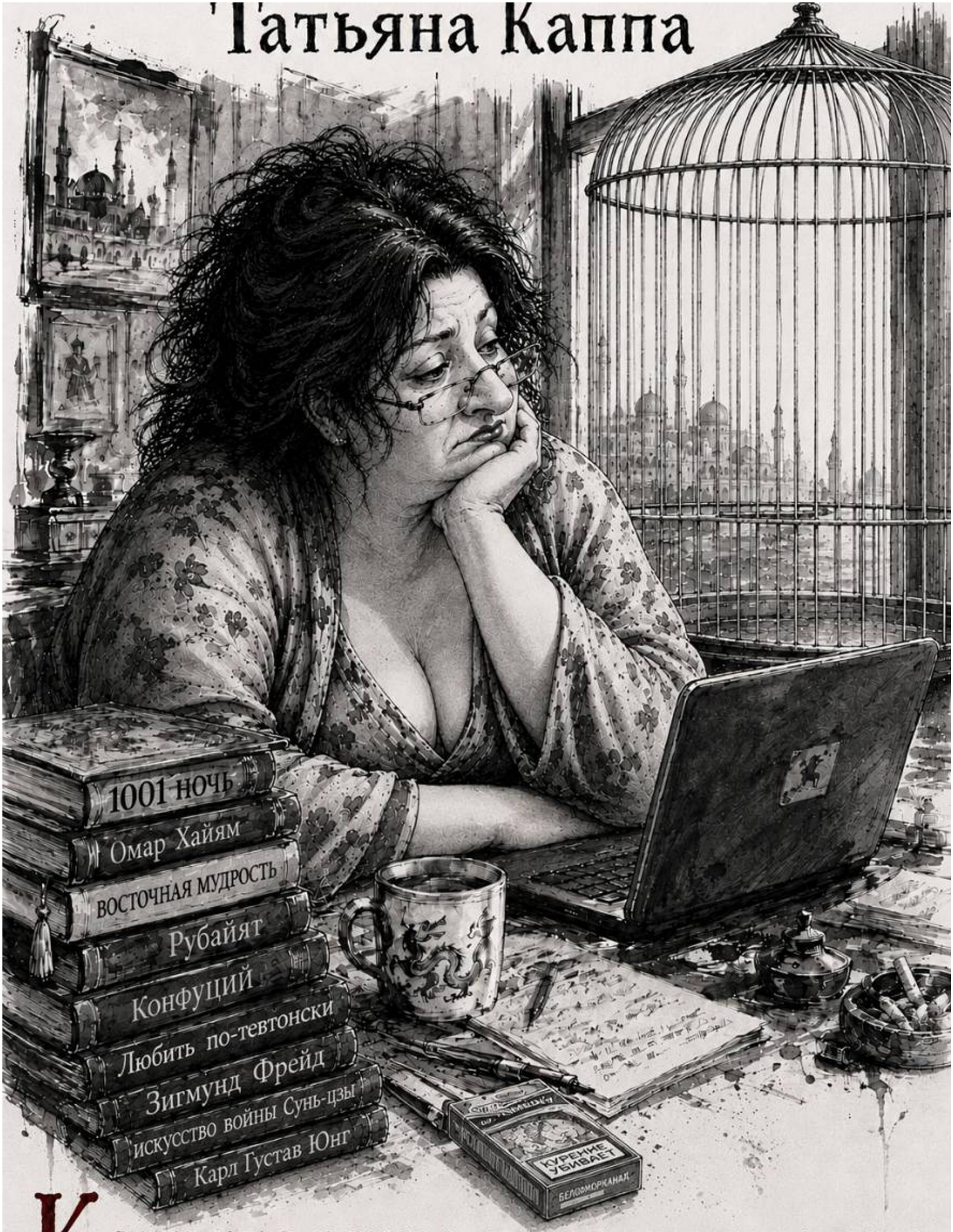
Татьяна Каппа

Капитолина в коммуналке

Рассказы Стаси

Татьяна Каппа

Записки Стаси. Часть 2. Капитолина в коммуналке (иллюстрации автора)

«Автор»
2026

Каппа Т.

Записки Стаси. Часть 2. Капитолина в коммуналке (иллюстрации автора) / Т. Каппа — «Автор», 2026

У писательницы Капитолины Темной было много любовных приключений. Все они потерпели фиаско. Но она не пала духом. Жизнь ее продолжилась в пестрой, почти театральной атмосфере коммунальной квартиры.

© Каппа Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Ода коммуналке 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Татьяна Каппа
Записки Стаси. Часть 2. Капитолина в коммуналке (иллюстрации автора)

У Хокусая было сто изображений
Фудзи.
Изображений писательницы
Капитолины Кузьминишны Тёмной у
меня, ну не сто и не тридцать
шесть (как у того же Хокусая), –
поменьше…
Конечно, у нее нет
величественной красоты Фудзи и ее
идеальной формы, но она – источник
моего вдохновения…

Ода коммуналке

Кто-то спросит – почему коммуналка?

Неужели кого-то еще устраивает коммунальный быт?

У всех разумных и практичных уже по нескольку квартир!

Уж какая-никакая, одна-то отдельная – точно есть!

Не говоря уже о за́мках, собственных домах и сарайчиках для лопат на шести сотках!

Кто-то скажет: надо забыть про коммунальное жилье, как о страшном сне!

Как забыть? Коммуналка – вечна! Как Цой forever!

Коммуналка – спасение для одиноких людей. Спасение от нехороших мыслей, которые приходят в одиночестве и ждут, как дикие звери, когда человек ослабнет и его можно будет растерзать.

Коммуналка – главная локация!

(Про локации любил говорить один модный писатель, ныне экспа́т. На его первых книгах я училась, как надо писать, а на последних – как не надо).

Слово красивое – мне оно тоже нравится!

Локация – это не только место. Это чувство места. Чувство дома. Чувство семьи.

А разве семья – не коммуналка?

Наша коммуналка – это наша семья!

Вот и писательница Капитолина Кузьминишна вернулась назад в коммунальную комнату из своей шикарной квартиры в стиле хай-тек с виниловыми обоями в мелкий цветочек. Захватила с собой только столик со стулом, импортную кофеварку и пустую клетку. На наш вопросительный взгляд на нее, коротко сказала: «Он улетел…» Ожидаемого продолжения фразы не было, из чего мы поняли, что здесь кроется что-то серьезное, не до конца осмысленное ей самой. И вопрос никем не был озвучен.

Кто-то фыркнет: в коммуналках живут люмпены!

Мои соседи – не люмпены! Может быть, они даже маргиналы! Но я люблю их, и себя от них не отделяю! Они – это я! Как Флобер сказал когда-то про Эмму.

Кто не знает, кто такие маргиналы, в энциклопедии написано, что маргинал – это человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей…

А мы где? Мне иногда кажется, что мы не на границе, а за границей сразу с двух сторон!

У нас – не коммуналка, а – маргиналка! Так сказал мой бывший муж. Мы не обижаемся. Так сказать мог только человек из наших, из маргиналов!

Меня зовут Степанида. Стёпа. Стёпка. Иногда я чувствую себя Стасей. Как моя бывшая свекровь Евдокия чувствовала себя Долли, а сын ее, мой злоязыкий бывший муж, ласково называл бабкой Дусей, зная, что ей это не нравится.

Вот и я – Стася. Всё тот же муж после нашего развода написал мне сонет.

Вот, говорят, я – Стасин муж… –
(Молва людская – как водица!)
И никому не нужен уж,
А всё пытаюсь ей сгодиться.

Слова мудреные в строку
Она посеет на странице…
И я вздохну: мерси боку!
Смахну слезу и пот десницей…

Взойдут хлебы… (или – хлеба?)
И в поле рожь заколосится,
И задымит трубой изба…
И всё пройдет, как говорится.

И пусть я уж – не Стасин муж…
Так и она – змея, не уж!
(Б.Б.)

Мой, уж не муж, сам о себе всегда говорит с самоиронией, но без интеллигентного мазохизма: дескать, да я такой же, как вы, как все. Ничего во мне нет такого особенного!

Есть, есть!

Недаром его матерью была русская женщина Евдокия, которая (как я уже написала) любила, чтобы ее называли Долли или Дольди!

Она ждала от сына всемирной известности и примеряла себя на церемониальных фотографиях. Отца же тревожила будущая известность сына. Она несла в себе обязательные неприятности!

Как оказалось, не без этого, хоть и без известности.

Стать великим у их сына Наума Абрамовича не получилось не только по причинам, отраженным в фамилии (известности некоторых это не помешало), но и по причинам характера его увлечений, которые оказались сильнее увлечения любимой физикой и сделались главными в его жизни.

Но сейчас не о нем. Он в коммуналке не живет, а только приходит в гости: и не ко мне, а к соседу, своему другу детства, бывшему инспектору Бычкову.

Так вот о соседях…

Моя соседка Капитолина Кузьминишна Тёмная – писательница, а правильнее сказать – писатель. Потому что писательница – это что-то вроде жены писателя. Ну не совсем, конечно.

Как-то она показала мне старую фотографию. Сказала, что это – ее родственник. На родственнике был просторный летний костюм из шелка цвета экрю, короткополая шляпа цвета кровельной соломы, сандалии с двумя ремнями фигурного кроя на низком каблуке и бриаровая трубка в руке.

Капитолине Кузьминишне этот наряд очень бы пошел.

Будь я ее стилистом, только так бы и одевала ее. Но она сама себе стилист и в письме, и в нарядах. В письме у нее хорошо получается.

А вот в нарядах – не очень. Наверное, весь стиль в письмо уходит.

Она любит покупать красивые (по ее мнению) платья, но не носит их, а вешает в шкаф. Туфель или, как она говорит, «туфлей» у нее не перечесть. Она покупает всё: сумочки, шарфики, цепочки всех сортов, серьги – и всё это ненужное складирует в ящики комода. Потом достает и надевает на себя без разбору.

Вот сосед Кузя (он работает в цирке воздушным гимнастом) привозит себе с гастролей офигенные тряпки, в отличие от тряпок Капитолины Кузьминишны.

Из Японии недавно привез себе халат – кимоно. С золотым драконом на спине. Когда в первый раз вышел в нем на кухню, сосед Бычков спросил его:

– Кузя, с чего ты вдруг пи.арасом заделался?

– Это – кимоно, Юрий Валентинович! – попытался объяснить ему Кузя. – В Японии мужчины так ходят! А они не те, про кого вы думаете! И потом… мне в такой одежде ловко и удобно!

– И когда это тебе стало в ней ловко? Я бы в жисть не надел бабские тряпки! – осуждающе покрутил головой Бычков.

А Кузя впервые надел женский костюм, когда надо было заменить гимнастку в воздушном номере.

Думал на один раз, а получилось, что пока та не родит и из декретного отпуска не выйдет. В цирке экономили деньги. А у него фигура ладная, ноги стройные… кое-где подделали костюм, и – вверх на канат!

Я не слежу за их покупками, не инспектирую. Но соседка Капитолина сама о них постит в блоге и заодно рассказывает о своем бытии. И бытие ее определяет сознание и даже опережает его. В последнее время – без любимой ею обсценной лексики. Она перестала ею пользоваться, когда о наказании за ее использование заговорили по-взрослому.

Френды доверяют ей, как родной. Капитолина Кузьминишна делится с ними своими разнообразными настроениями.

Еще она понимает разницу между fromage и клизмой. Оказалось, что в соцсетях не все понимают разницу. Мало того – в мире не все понимают. И, более того, наиболее прогрессив-

ные люди совсем не понимают. А она понимает! Очевидно ей приходилось сравнивать! Хотя какие могут быть сравнения! Какой к черту фромаж, когда у тебя запор!

Не так давно Капитолина обнаружила у себя аристократическую косточку. Второй палец ее ноги оказался длиннее первого, большого. Такой палец в средневековой Европе считался аристократическим, королевским пальцем. Подтверждением аристократического духа стал ее воображаемый завтрак, состоящий из клубники с шестью вонючими сырами и кофе французской обжарки под что-нибудь струнное с флейтой!

Что за струнное, она сразу не смогла решить и поэтому запостила меню для проверки френдов на аристократическую вшивость и музыкальную образованность.

«Вау!» – закричали френды, у которых был палец нужной длины.

«Фу, гадость!» – сморщились ненастоящие принцессы, которые вонючие сыры не знают, а отечественные сыры за продукт не считают, но ставят на новогодний стол под Пугачеву в телевизоре.

Что-нибудь струнное с флейтой никто не предложил.

Я вспомнила завтраки нашей коммуналки под музыку «Радио России» и мне стало неудобно за свои плебейские бутерброды с обыкновенным, не вонючим сыром, за пшенную кашу пенсионера Бычкова, за яичницу Кузи и за слоган «Радио России»: «Включил, услышал, оценил».

С другой стороны, за отсутствием у нас королевских пальцев, можно было завтракать и так, по-простому, без аристократизма.

Капитолина Кузьминишна, выйдя утром на кухню и услышав рекламу: «Вам 83 года? У вас проблемы с потенцией?.. Начните принимать препарат «Стоитин»…», – сморщилась и сказала:

– Какое же г.вно вы слушаете!

Тут надо отдать ей должное – правильно сказала. Но возникала двусмысленность, получалось, что это название соответствует и нашим завтракам. Что может и правильно, но несправедливо по отношению к нашим пристрастиям!

Соседей я подготовила, и мы начали…

– Конечно, – сказала я, – к завтраку нужна другая музыка! Клубника, к примеру, хорошо пойдет под стремительное «Скерцо» Баха!

– А сыры – под Моцарта, под его философский квартет номер один! – задумчиво произнес Кузя. (Прилагательное «вонючие» он стыдливо опустил – из-за Моцарта!)

– А подгорелый кофе – под «Свадебный марш» Мендельсона или «Итальянское каприччио» Чайковского! – заученно добавил пенсионер Бычков, всё еще пребывая в раздумьях насчет своего будущего и препарата «Стоитин»: «Может купить впрок?»

– Лучше – под Мендельсона! – поспешила сказать Капитолина Кузьминишна, оговорившись по Фрейду, которого не любила. Мы невольно взглянули на пустую клетку.

– Такой завтрак – это высокое утонченное наслаждение, почти извращение! – одобрил Кузя, собирая корочкой хлеба разлившийся по тарелке яичный желток. Ему можно было верить.

– О..ительно культурно! – поддержал и Бычков, подбирая ложкой кашу со дна тарелки, уже окончательно решив купить этот «Стоитин». Убедительно говорил мужской голос по радио.

Капитолина Кузьминишна осталась довольна такими оценками.

К слову о выражении Бычкова, которое стало классическим для нас.

Сосед Юрий Валентинович Бычков – бывший инспектор Дорнадзора. За сорок лет он дослужился в нем до сержанта.

Когда-то будущий инспектор Бычков, а тогда еще просто Юрка, закончил среднюю школу со средним баллом 3,0 в аттестате. Отслужил срочную. Служил где-то аж в районе бухты Провидения. Служил неплохо, даже отпуск выслужил. Как он сказал – за то, «что обеспечил». Что обеспечил или чем – не поняла. Слышала краем уха.

Уволившись, недолго попил-погулял и пошел служить в милицию. Не куда-нибудь, а в Дорнадзор. И мой будущий муж, тогда еще студент, называл его «инспектор» Бычков.

Так вот, придя домой, после первого дня службы, ошарашенный увиденным и услышанным, он был похож на человека, в первый раз на Пасху сходившего в церковь освятить кулич и вернувшегося оттуда просветленным и воодушевленным, с куличом, завязанным в платок, и с бумажными розами.

Вот и Юрка, после дня работы в ментовке с просветленным лицом рассказывал, что у них в милиции всё «о..ительно культурно».

– Еще бы! – буркнул мой будущий муж. – Культурней, чем в милиции, пи.дюлей нигде не дадут!

– Нет, ты не прав! – непривычно вежливо возразил новоиспеченный инспектор: – Вот мы, например, не имеем права говорить пьяному шоферу: «Дыхните!» И вообще, пьяных мы не имеем права «хватать и тащить», а должны «убедить его проследовать до ближайшего отделения милиции на предмет выявления состояния алкогольного опьянения»!

– На хрена такая милиция! – пробормотал мой будущий, но никого не убедил. Такую милицию хотели все!

После завтрака пенсионер Бычков надевает старомодный двубортный костюм, шляпу с узкими полями и идет в киоск за газетами.

«В Союзпечать!» – говорит он нам по старинке.

Будучи прочитанной, газета теряла свою духовную сущность, но приобретала некую материальную ценность: инспектор скручивал ее в трубочку и, похлопывая себя по ляжке, шел гулять в скверик, в местный Гайд-парк, который служит ему оплотом консерватизма и нравственности.

Так, должно быть, разгуливал по Кёнигсбергу и его пресловутым семи мостам Иммануил Кант. И если взглянуть на эти прогулки сверху глазами Господа Бога, то, может быть, прогулки бывшего инспектора окажутся более ценными, чем променады великого пруссака.

Когда-то Бычков, постукивая себя по ляжке полосатым жезлом, неторопливо подходил к приторможенной им машине, стоящей на обочине, рядом с которой испуганно переминался попавший под раздачу бедолага, неведомо почему выбранный им из прочих участников дорожного движения.

Жезл был сродни лампе Аладдина. Простая бронзовая лампа, а ей подчиняется могущественный джин. Так и деревянный жезл (не оловянный и не стеклянный) повелевает – и ему подчиняются машины.

Машина едет (не проносится, а именно едет) мимо стоящего на обочине инспектора, и водитель не сводит глаз с его жезла. А тот понимает свою власть над ним и ленивым, чуть заметным движением, повелевает вырулить на обочину и стать. И он выруливает и становится. А инспектор, не спеша идет туда, где у приоткрытой дверцы машины на полусогнутых стоит несчастный и ждет своей участи…

Теперь вот осталась только свернутая газета, похлопывающая по ляжке. «Печать – самое острое и самое сильное оружие нашей партии», как очень точно подметил В.И. Ленин.

В местном Гайд-парке даже оппозиционеры – консервативные. Бычков из них самый консервативный, даже реакционный. Он поглядывает на них снисходительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.